

ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛЬНОЙ ВИКТИМОЛОГИИ

А. МИХАЙЛОВ,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Правосудия» Киевской государственной академии водного транспорта им. гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного

А. МИХАЙЛОВ,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Криминального права» Киевской государственной академии водного транспорта им. гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного

В публикуемой статье речь идет о некоторых аспектах криминальной виктимологии: раскрывается понятие виктимологии и ее развитие; рассматриваются виды виктимного поведения и жертв преступлений, а также вопросы предотвращения виктимизации и ресоциализации жертв преступлений.

Начиная с середины XVIII в. криминология занимается преступным поведением людей, а с конца XIX в. – проблемами преступной личности. Жертва преступления стала объектом криминологических исследований лишь со времён второй мировой войны. И у классиков права XVIII в. (например, Чезаре Беккариа, который понимал уголовно-наказуемое деяние как нарушение морального порядка, а также правопорядка, и это нарушение базировалось, по его мнению, на свободной воле преступника), и у позитивистов права XIX в. (например, Чезаре Ломброзо, Зигмунд Фрейд, которые сосредоточили внимание на анализе личности преступника). Преступление было симптомом нарушения структуры личности преступника. Жертву же преступления классики и позитивисты рассматривали как механическое, статичное понятие.

Немецкий криминолог Ганс фон Гентиг (1887-1974) в своей работе «Замечания по интеракции между преступником и жертвой» в 1941 году впервые противопоставил этой точке зрения динамическую концепцию

возникновения преступности. Преступность – это индивидуальное психопатологическое явление, жертва же преступления, по Гентигу, не должна более рассматриваться как пассивный объект, ибо она – активный субъект процесса криминализации. Жертва (пострадавший) участвует в инициировании и осуществлении деликта. В ходе уголовного судопроизводства речь идёт не только о правах преступника, но в значительной мере и вполне серьёзно о правах жертвы.

Термин «виктимология» происходит от латинского *victima* (жертва). Обычно виктимологию определяют как научное изучение жертв преступлений, процессов, этиологии и последствий виктимизации (то есть превращения человека в жертву преступления).

Вслед за Гентигом в 1947 году в Бухаресте Бенджамин Мендельсон сделал весьма впечатляющий доклад («Новые биопсихосоциальные горизонты: виктимология»), в котором обратил внимание научной общественности на науку о жертвах преступлений. Но ещё больше продвинул виктимологию тот

же Ганс фон Гентиг, опубликовавший в 1948 году свою книгу «Преступник и его жертва». Выявить отношения между преступником и его жертвой пытался в 1954 году Генри Элленберг. Он, в частности, утверждал, что человек последовательно становится преступником или жертвой и если проанализировать жизнь закоренелых преступников, то оказывается, что они в детстве исключительно часто подвергались издевательствам, вымогательству, эксплуатации и были предоставлены самим себе. В 1956 году Ганс Шульц ввёл понятие преступления на почве личных отношений между преступником и его жертвой.

В Новой Зеландии в 1963 году был принят первый в мире закон о возмещении ущерба жертвам преступлений. За Новой Зеландией последовали Англия, некоторые штаты США, провинции Канады и Австралии.

В 1972 году в Австрии был принят федеральный закон об оказании помощи жертвам преступлений. Во многих странах, в частности в ФРГ, возникли объединения в поддержку жертв преступности («белое кольцо»). В 1982 году в США был издан федеральный закон об уголовно-правовой защите жертв и свидетелей преступления. По этому закону потерпевшему, выступающему в качестве свидетеля в уголовном процессе, обеспечивается судебная защита. Воз-

мещение материального ущерба преступником становится самостоятельным видом уголовно-правовых санкций. Лицо, отбывающее наказание, не имеет права извлекать пользу из своего преступления путем публикаций сведений о нём, поскольку это вновь нанесло бы ущерб интересам потерпевшего. В 1983 году Совет министров Европейского совета в Страсбурге принял Европейскую конвенцию о возмещении ущерба жертвам насильственных преступлений. В этой конвенции были определены принципы возмещения ущерба жертвам преступлений со стороны государства и международного сотрудничества в этой области стран-членов ЕС.

Жертва преступления (потерпевший) является существенным элементом в процессе возникновения преступления и контроля за преступностью. Ещё в 1941 году Ганс фон Гентиг отметил существование связи между преступником и жертвой, например, взаимодействие между мошенником и обманутым. Он выделил некую часть преступности в качестве «процесса, в котором антиобщественные элементы пожирают друг друга».

Коль скоро криминология занимается поиском криминогенных факторов, способствующих развитию преступности, и их места в структуре личности преступника, то виктимология должна делать то же самое в отношении виктимогенных, вызывающих преступность факторов в личности потерпевшего. Таким образом, эти две сферы (преступник и жертва) становятся как бы самостоятельными и не связанными друг с другом. Однако, по мнению того же Гентига, это не так, поскольку жертва формиру-

ет, воспитывает преступника и завершает его становление; она молчаливо соглашается стать жертвой, кооперируется с преступником и провоцирует его. Разумеется, никаких договорённостей при этом не заключается, однако имеет место символическое взаимодействие.

По своему характеру виктимное поведение может быть:

а) конфликтным, когда потерпевший создаёт конфликтную ситуацию или активно участвует в возникшем конфликте (например, зачинщиком драки или вступает в драку на стороне одного из её участников); особая разновидность - необходимая оборона, задержание преступника и правозащитная активность;

б) провоцирующим (демонстрация богатства, кокетство, экстравагантная внешность и слишком смелая одежда женщины, создающая представление о её доступности, двусмысленное поведение и т.п.);

в) легкомысленным (излишняя доверчивость и наивность несовершеннолетних, и иных лиц, не способных оказать серьёзное сопротивление нападающему, беззаботное поведение пешеходов на проезжей части улицы, создающее аварийную ситуацию) [5].

Жертвой может быть какое-то лицо, организация, общество, государство или международный порядок; преступность создаёт для них угрозу повреждения или уничтожения [4]. Следует отметить, что организации чаще оказываются жертвами преступлений, чем отдельные лица. Против них направлены, например, магазинные кражи, совершаемые как посторонними, так и своими служащими. Одна из существенных причин таких краж состоит

в психологической нейтрализации деликта, обусловленной деперсонализацией предприятия. Кража служащим у предприятия (фирмы) рассматривается им как «дополнительный» заработок. Магазинная кража не направлена против кого-либо лично. Магазинные воры-служащие, причиняющие фирмам большой ущерб, как правило, списываются на покупателя за счёт повышения цен на товары, отнюдь не считая себя преступниками. По их мнению, преступность-это что-то неприятное, происходящее «там, на улице». Эти воры не видят жертвы, в их представлении, фирмы - не жертвы, а если они всё-таки ими являются, то вполне заслуживают виктимизации («эксплуатация эксплуататоров»). Магазинные воры, свои и чужие, не задумываются над тем, что они наносят ущерб массе потребителей. Каждый покупатель в отдельности лишается при этом относительно небольшой суммы, а вся масса потребителей и экономика в целом терпят огромные убытки.

Хозяйственные организации (предприятия, фирмы) наносят ущерб друг другу в результате экономических преступлений. Раньше торговцы, как правило, встречались со своими поставщиками и с покупателями лично. Сегодня товары и продукты производят огромные фирмы-концерны, а скупают у них продукцию другие мощные организации. Подсчёт сумм и расчёт с покупателем производят компьютеры, с помощью которых в считанные секунды можно совершить экономические преступления, которые даже в случае их обнаружения можно представить как ошибку. Именно современные формы

компьютерной преступности и делают взаимодействие между преступником и жертвой в подобных организациях едва уловимым. Жертва здесь отсутствует, она деперсонифицирована, анонимна и обнаруживается с большим трудом. Компьютеры являются непосредственными связующими звеньями между хозяйственными и государственными организациями; они позволяют совершать кражи без непосредственного изъятия вещи. Огромные размеры и безликость организаций, их широкий географический разброс, разделение труда, специализация, сложность технологии, разнообразие их продукции и иерархическая структура делают менее заметными преступления, совершаемые организациями по отношению друг к другу, и тем самым облегчают их осуществление. В результате серьёзный ущерб наносится и потребителям, и всей экономике.

Организации (хозяйственные субъекты) причиняют своими экономическими и экологическими преступлениями серьёзный вред и ущерб отдельным лицам, обществу в целом, особенно его экономическому строю и международному порядку, причём этот ущерб оказывается опять-таки социально почти незаметным. Анонимность и коллективность жертв хозяйственных преступлений – это два их классифицирующих признака. Возникает меньше страха и разочарования, когда на протяжении длительного периода регулярно кому-то наносится незначительный ущерб, нежели когда он обрушивается сразу. Подмешивая сахар, витамины и другие ингредиенты в некую субстанцию, производитель «натурального»

апельсинового сока может получить миллионы дополнительной прибыли. Средний потребитель, узнав о том, что он платит за не вполне чистый апельсиновый сок лишних десять копеек, не будет переживать или негодовать в такой степени, что он тут же обратится в полицию. И хозяйственные преступники это знают. Жертве хозяйственного преступления придётся хорошо всё взвесить, выгодно ли будет затевать судебное преследование за причинённый ущерб и не принесёт ли заявление в полицию (милицию) больше хлопот, чем удовлетворения.

Именно на равнодушии и беспечности потерпевшего и строит свой расчёт хозяйственный преступник. Можно, например, так запрограммировать компьютер, чтобы в те ночные часы, когда он в банках и отелях производит перерасчёт личных счетов, он незаметно снимал с тысячи счетов по крошечной сумме и переводил их на какой-то другой счёт. Такая тактика «срезания слоёв» ведёт к тому, что на этом счете накапливается огромная сумма украденных денег, тогда как клиент либо совсем не замечает этих малых сумм в выписках из своих счетов, либо считает их какими-то сборами и правомерными пошлинами.

Таким образом, виктимизация – это процесс становления жертвой преступления (в отличии от криминализации – процесс становления преступником). Суть виктимизации состоит в том, что преступник пытается сделать жертву своим объектом.

Виктимность (жертвенность) – это повышенная способность в силу тех или иных обстоятельств становиться жертвой преступления.

Не существует «прирождённых жертв» или «жертв от природы». Но приобретённые человеком физические, психические и социальные черты и признаки (например, какие-то физические или иные недостатки, неспособность к самозащите или недостаточная готовность к ней, особая внешняя, психическая и материально-финансовая привлекательность) могут сделать его предрасположенным к превращению в жертву преступления. Если он осознаёт эту свою повышенную виктимность, он может освоить определённое поведение, позволяющее сопротивляться и справляться с угрозой.

Следует заметить, что виктимизация и криминализация иногда имеют одни и те же источники: исходные социальные условия (например, принадлежность человека к одной и той же субкультуре насилия). Известно, что 64% людей, ставших в детстве или юности жертвами преступлений, во взрослом возрасте становятся преступниками, а из тех, кто не был в юности жертвой, – только 22% [4].

Пользуясь приёмами нейтрализации, психологическое влияние которых опосредуется ещё до совершения преступления, правонарушитель превращает для себя своё деяние в «морально приемлемое». При таком подходе жертва вообще не учитывается, поскольку не имеет никакой ценности; она «заслуживает» виктимизации. И преступник убеждён в виновности жертвы. Так, террористы называют существующие на западе правовые системы «несправедливыми» и поэтому их нужно ликвидировать.

Внутреннее моральное сопротивление таким действиям, которые наносят прямой и конкрет-

ный вред реальной, персонифицированной жертве, оказывается у преступника более сильным, нежели сопротивление действиям, в которых жертва не конкретизирована или безлика, анонима или абстрактна. Поэтому у преступников обнаруживается тенденция к деперсонализации и деиндивидуализации жертвы. Сеть отелей в Северной Америке как раз тем и пытаются противостоять этой тенденции, прибегая к разным формам предупреждения. Например, в номерах отелей можно увидеть такие надписи:

«Если после вашего отъезда пропадут полотенца, за это накажут горничную!» Большое предприятие объявляется «семьёй». Потенциальная жертва преступления «персонифицируется» в расчёте на то, что «честные люди» никогда не украдут у друзей или соседей. В то же время это предприятие относительно бездумно старается избежать уплаты налогов и допускает обман и подлог при оформлении страховок [4].

В юридической литературе предложены различные классификации жертв преступлений. Остановимся на двух, представляющих, на наш взгляд, наибольший интерес и практическую ценность.

Уголовно-правовой подход. На основе этого критерия известный румынский криминолог Б.Мендельсон разработал классификацию, которая различает:

- а) жертву, полностью невиновную (часто называемую «идеальной жертвой»);
- б) жертву с незначительной виной;
- в) жертву, виновную одинаково с преступником, или добровольную жертву;
- г) жертву с виной большей,

чем у преступника;

д) жертву, единственно виновную в совершении преступления;

е) жертву, стимулирующую, или мнимую (обычно это психически больные, малолетние дети или лица предельного возраста).

Практическая ценность данной классификации бесспорна. Вместе с тем она не учитывает чисто виктимологический критерий: будучи применён к преступникам критерий «вины» даст те же результаты с некоторыми модификациями.

Комплексный подход. Его критерием могла бы быть, например, степень виктимности, отражающая в наиболее обобщённом виде виктимогенную деформацию личности, «профессиональную» виктимность, «возрастную» виктимность, виктимную патологию. Признание степени виктимности основным критерием классификации даёт возможность обосновать несколько типов жертв:

1. Случайная жертва. Лицо становится жертвой в результате стечения обстоятельств. Возникшие взаимоотношения в принципе не зависят ни от воли и желания жертвы, ни от воли и желания преступника.

2. Жертва с незначительными качествами риска и живущая при нормальных для всех людей факторах риска, виктимность которой возросла непредвиденно, под влиянием неблагоприятной ситуации.

3. Жертва с повышенным качеством риска, в отношении которой действует комплекс факторов риска. К этой группе относятся два основных типа жертв: а) жертвы неосторожных преступлений – когда характер выполняемой ими работы или

их поведение в общественных местах таит более высокую, чем обычная, виктимность; б) жертвы умышленных преступлений, социальный статус которых при выполнении ими социальных ролей содержит повышенный риск виктимности (работники правоохранительных органов, военизированная охрана и т.п.). Виктимность этого типа может иногда обнаруживаться и в особых манерах жертвы, в её эстетическом виде и т.п.

4. Жертва с очень большим риском. Её нравственно-социальная деформация не отличается от ярко выраженных правонарушителей. Она характеризуется прочной антисоциальностью, проституцией, наркоманией, алкоголизмом.

Что касается сотрудников ОВД, то, как свидетельствует практика, а также данные эмпирических исследований, потерпевшими становятся лица с такими недостатками: слабая профессиональная (боевая, физическая, служебная) подготовка; неумение правильно вести себя в той или иной ситуации, ориентироваться в сложной оперативной обстановке; незнание оперативной обстановки; недостаточный жизненный опыт, недооценка опасности преступных посягательств; низкий культурный уровень, следствием чего является неправомерное или недостойное в морально-этическом плане поведение; недостатки в организации изучения, обобщения и внедрения передового опыта.

В то время, как меры безопасности, вроде укрепления окон и дверей, установки телекамер и т.п., дают невысокий эффект при квартирных кражах со взломом, весьма оправдывающим себя оказалось организованное в не-

которых жилых кварталах Сиэтла и Торонто наблюдение за одинокими домами и жилыми комплексами с участием жильцов в мероприятиях по обеспечению безопасности своих жилищ.

Так как квартирные воры стараются избегать встреч с жильцами, наиболее действенной мерой против квартирных краж бывает создание видимости присутствия жильцов дома (установка автоматических переключателей света, например).

Физическое сопротивление при ограблении квартиры может привести к прекращению преступления, что, однако, увеличивает вероятность причинения жертве телесных повреждений. Для ответа на вопрос, должна ли жертва в подобной ситуации защищаться, пока никаких рецептов не найдено. Какой должна быть реакция жертвы в ситуации конкретного преступления, зависит от личности преступника, особенно от его криминальной энергии, а также от личности жертвы и от её желания оказать сопротивление. Кроме того, здесь действуют бесчисленные факторы внешнего порядка, определяющие конкретную криминальную ситуацию, например, большую роль, играет возможность быстрого получения помощи. Иногда одно безбоязненное сопротивление злоумышленнику даёт хорошие результаты. Драматизация жертвой своего положения, наоборот, оказывается столь же вредной, как и трусливо пассивная позиция. Любая чрезмерно выраженная реакция всегда бьёт мимо цели. Правильная оценка криминальной энергии преступника и спокойное, хладнокровное и трезвое поведение лица, подвергшегося нападению, является решающей предпосыл-

кой успешного предотвращения преступления. Прежде всего, важно, чтобы подвергшийся нападению не рассматривал себя как жертву; он должен попытаться завязать со злоумышленником диалог. Относительно этого есть масса примеров.

Таким образом, если потенциальная жертва в виктимогенной обстановке не поддаётся сразу виктимизации, не определяет себя как жертву, а остаётся личностью и доказывает преступнику, что является субъектом, а не объектом в данной ситуации, то нередко ей удаётся избежать виктимизации. Но здесь всё зависит от криминальной энергии человека, решившегося на преступление.

После того, как преступление совершено, всё внимание общественности сосредотачивается на преступнике, а о жертве и её близких забывают. Общество занимает в отношении жертвы странную позицию – оно клеймит её. Причинившего вред клеймят как уголовного преступника, а к жертве проникаются недоверием, сожалением или злорадством. Она может подвергнуться вторичной виктимизации только потому, что на причинённый ей вред и на её страдания смотрят равнодушно, что нанесённые ей повреждения отрицают, а её виктимизацию ставят под сомнение. Жертва преступления часто оказывается социально изолированной. В милиции (полиции) и в судах на неё смотрят с предубеждениями. Обращаясь «за помощью» к жертве, органы уголовного преследования решают главным образом свои специфические задачи. Однако тех людей, которые во время совершения преступления оказали преступнику сопротивление, об-

щественность принимает лучше. В то время, как общество вполне справедливо поднимает вопрос о конституционных правах обвиняемых или уже осуждённых преступников, никто не говорит о нарушении конституционных прав жертвы преступлений. И если общество закономерно обеспокоено необходимостью ресоциализации преступников и выделяет для этого значительные финансовые средства, то никто и не помышляет о том, чтобы создать условия для «ресоциализации» жертв преступлений, в то время как многие жертвы преступлений несут серьёзный психологический и социальный ущерб.

Вред (ущерб), наносимый преступлениями, может быть первичным и вторичным (повторным). Первичный вызывается самим преступлением. Вторичный обуславливается повторной виктимизацией, в результате недостаточной неформальной или формальной реакции на первичную виктимизацию. Под неформальной реакцией понимают поведение лиц из ближайшего окружения жертвы, членов её семьи, её родственников и друзей; к формальной реакции относится поведение представителей общественности в процессе контроля за преступностью, то есть сотрудников милиции, прокуратуры и судов.

Вместе с тем известно, что серьёзные телесные повреждения (ушибы, контузии, царапины и резаные раны) получают 48% жертв изнасилований, 29% - разбойных нападений и 35% - иных насильственных преступлений. Примерно 15% жертв телесных повреждений получают такие тяжелые увечья, что им приходится лечиться более

месяца [4]. Все это требует существенных затрат в плане социального, морального и психического восстановления жертвы преступления. К сожалению, вместо этой помощи зачастую жертва теряет друзей, члены семьи, соседи и коллеги по работе относятся к ней без участия, а то и грубо. Средства массовой информации со своей стороны проявляют к ней интерес лишь в поисках сенсаций. Судья же думает прежде всего о преступнике и преступлении, но не о жертве и ее страданиях. Хотя известно, что преступление возникает при взаимодействии преступника и жертвы. Ресоциализация жертвы и преступника будет успешной только тогда, когда взаимодействию между ними в ходе уголовного процесса и исполнения наказания будет уделяться большее внимание. Государство же в силу своего монопольного положения в вопросе уголовного наказания отнимает у них такую возможность, то есть возможность получить возмещение прямо от причинителя вреда. А ведь иногда жертве не так важна компенсация финансового убытка, как признание ее человеческого достоинства преступником и судом, и это заменяет собой подобное признание государством и обществом.

Итак, пережив преступное деяние, жертва нуждается в ресоциализации. Можно условно разделить этот процесс на два вида: а) юридический и б) социально-психологический.

Возможные меры оказания юридической помощи:

В случае необходимости государство должно предоставлять потерпевшему бесплатного адвоката для юридических консультаций и просто для ока-

зания человеческой помощи. Адвокат должен информировать и консультировать жертву о ходе предварительного расследования и уголовного процесса.

Программы помощи жертвам-свидетелям рассчитаны не только на то, чтобы создать для них хорошие комнаты ожидания в судах, обеспечивать им достойный прием и обращение, а также уход и присмотр за их детьми во время их пребывания в суде, но и на то, чтобы не допустить чрезмерных наскоков защиты в уголовном процессе и защитить их от равнодушия судей, которые нередко вызывают жертву на допрос в суд и откладывают заседание.

Программа социально-психологической помощи потерпевшим преследует цель осуществлять такие мероприятия, которые связаны с устранением физических, психических и социальных первичных и вторичных последствий пережитых ими преступлений. В США и Канаде этими программами занимаются в большинстве случаев организации самопомощи, состоящие из людей, пострадавших от преступлений. Такие службы помощи насчитывают от 8 до 30 пользующихся уважением граждан и работают круглосуточно, организуются ими на частно-правовой основе по инициативе граждан или формируются полицией, прокуратурой или судами. Это относительно новая социальная служба, которая не только оказывает помощь потерпевшим, но и разъясняет ответственности сущность уголовной виктимизации, а также способствует пересмотру законов. Существуют центры помощи всем жертвам преступлений, а также

специализированные, например кризисные центры для жертв изнасилования, обслуживающие только жертвы этого деликта. Бюро по борьбе с мошенничеством и обманом потребителей заботятся о жертвах подобных преступлений.

Нередко требуется краткосрочное или продолжительное психиатрическое лечение или психологическая терапия, причем не только самой жертвы, но и ее супруга и даже всей семьи. Последствия виктимизации преодолеваются психологическими методами, в частности, методом кризисного вмешательства. Это процесс, в ходе которого и жертва и терапевт-психолог вместе решают проблемы, возникшие в результате виктимизации.

Литература:

1. Ривман Д.В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. – Л.: Изд-во Военного политического училища МВД СССР, 1975. – 154 с.
2. Франк Л.В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. – Душанбе: Изд-во «Ирфон», 1977. – 237 с.
3. Сорокотягина Д.А. Виктимологические аспекты изучения личности потерпевшего // Виктимология и профилактика правонарушений. Иркутск, 1979. – С. 88-92.
4. Шнайдер Г.Й. Криминология. – М., 1994. – С.350-362.
5. Зелинский А.Ф. Криминология. – Харьков. – С.85.